

****~Улица, несколько часов спустя~****

Эдит беззаботно сидела на железной перекладине под железнодорожным мостом. Шел холодный дождь и дул сильный ветер; октябрь переходил в ноябрь, а у нее не было подходящего зимнего пальто. Она грызла украденное яблоко и бездумно выводила новые цифры на потертой медной поверхности. За те дни, что она провела здесь, на этой балке были уже сотни отметок.

Сверху она наблюдала за дорогой, за машинами, летящими в обоих направлениях по туннелю, ведущему из города в сторону больших городов. Если кто-то и замечал ее, то проезжал мимо, не останавливаясь.

Эдит поправила пальто, чтобы лучше прикрыть шею; ноги уже промокли и онемели. Выбросив сердцевину, она откусила от нее все, что смогла, и потеряла руки, чтобы согреть их. От холода и онемения она очень устала, но заснуть на этой высокой платформе она не могла себе позволить.

Зевнув, Эдит подтянула колени к груди и снова обратила внимание на свои руки. Она плела красные и желтые нити вокруг синих и фиолетовых бусин, переворачивая их снова и снова, чтобы сделать браслет. Она сделала их довольно много; иногда это был единственный способ скоротать время в темном чулане, где ее часто запирали.

Иногда она с трудом понимала себя. Она любила людей, но ненавидела свою семью. Она жалела потерянных, но возмущалась хорошо одетыми и напыщенными богачами, такими как ее жестокие тетя и дядя.

Если бы вы смотрели слишком много «Звездных войн», то подумали бы, что, поддавшись «ненависти», вы не сможете испытывать сострадание и доброту. Эдит всегда казалось забавным, что Оби-Ван говорил: «Только ситх имеет дело с абсолютом»... что, в общем-то, было совершенно справедливо.

Эдит чувствовала родство с Энакином Скайуокером. Она была очень похожа на него, хотя у нее был не такой вспыльчивый характер. Когда тебя бьют за мнимые преступления, вспыльчивость становится опасной. Они оба начинали жизнь как рабы. Все не доверяли им и смотрели на них с презрением, если только не хотели от них чего-то.

Джедаи хотели, чтобы он стал их особым ребенком из пророчества, и им было все равно, что это значит для него - и это даже не учитывалось при обращении с его падаваном Ашокой. Йода даже сказал, что если ты будешь продолжать любить свою мать и жену, то станешь злым. Любовь, эта драгоценная вещь, рассматривалась как недостаток, отклонение.

Лично Эдит находила это довольно отвратительным. Без любви можно было бы и умереть.

Император ничем не отличался от нее, хотя внешне он был более злым. На самом деле он был

просто безумен. В конце концов Люку удалось вернуть Энакина к себе, но этого оказалось недостаточно, чтобы спасти человека.

Эдит услышала чьи-то крики на улице.

Потрясенная своими мыслями, она посмотрела на улицу. Богато одетый мужчина был остановлен на углу тремя оборванными, отчаянно выглядевшими мальчишками.

Хотя это был густонаселенный город, Эдит видела, что люди в городах либо равнодушно проходят мимо, либо тревожно исчезают в соседних зданиях. Никто не попытался помочь мужчине, и он был быстро лишен всего ценного.

Он счастливчик, - заметила Эдит. Часто жертв таких уличных нападений резали ножом или даже стреляли в них, оставляя истекать кровью на обочине.

Она видела, как это происходило несколько раз; именно она звонила в полицию и прижимала раны до приезда скорой помощи. Она постоянно видела подобные вещи.

Здесь очень холодный мир, не так ли? удивлялась Эдит, прислонившись спиной к мокрой от дождя балке. Если ты попытаешься помочь этим людям, они подумают, что ты ненормальная мошенница.

Вернувшись к плетению браслета, Эдит представила себе мир, каким она его создала: она - королева, а заблудшие - ее граждане. Она заботилась бы о каждом; счастье, безопасность и семья были бы для нее приоритетом. Все были бы счастливы и в безопасности.

«Лаванда голубая, дилли-дилли, лаванда зеленая, когда я стану королем, дилли-дилли, ты станешь королевой». Она пела, накручивая нити на большую бледную жемчужину. «Кто сказал мне это, дилли-дилли, кто сказал тебе это? Это мое собственное сердце, дилли-дилли, оно сказало мне это».

Она завязала узел и продолжила свой путь, вдавливая в смесь маленький красный рубин из костюма. «Лаванда зеленая, дилли-дилли, лаванда голубая, ты должен любить меня, дилли-дилли, ведь я люблю тебя».

Во сне красивая рыжеволосая женщина пела ей эту песню, когда она качала колыбель, в которой лежала. Эдит подумала, что это одно из самых старых воспоминаний - воспоминание о ее матери, Лили Эванс. В этом вопросе она следовала своей интуиции, поскольку у Петунии в доме не было ее фотографий, и это всегда злило Вернона, когда его невестка появлялась в доме.

Эдит взглянула на наручные часы с треснувшим циферблатом, которые она купила на блошином рынке год назад. Было уже за полночь, а дождь не собирался стихать.

Девушка встала, спустилась по опорным балкам и зашла на заднюю аллею ресторана быстрого питания. Она проскользнула внутрь через открытую заднюю дверь, увернулась от пары поваров и направилась к лестнице, ведущей в подвал.

Проворно спустившись по лестнице, Эдит добралась до задней части подвала, где находился котел. Сняв промокшее от дождя пальто и бросив его на радиатор, девушка свернулась калачиком и погрузилась в сон.

<http://tl.rulate.ru/book/108336/4006942>